

Будаев Э.В.

Нижний Тагил, Россия

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИСТОКИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРОЛОГИИ**

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье дана характеристика политической метафорологии как направления современных языковедческих изысканий, образовавшегося в результате междисциплинарного синтеза политической лингвистики, метафорологии, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, дискурс-анализа, психолингвистики и других дисциплин.

Ключевые слова: политическая метафорология, метафора, политический дискурс, когнитивная лингвистика, методология, междисциплинарный подход

Сведения об авторе: Будаев Эдуард Владимирович, кандидат филологических наук, доцент.

Место работы: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, Институт филологии и массовых коммуникаций.

Контактная информация: 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская д. 57.

E-mail: aedw@rambler.ru

Budaev E.V.

Nizhny Tagil, Russia

**INTERDISCIPLINARY ORIGINS
OF POLITICAL METAPHOROLOGY**

ГСНТИ 16.21.27, 16.01.07

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The paper analyses political metaphorology considered as a new branch of linguistics integrating the methodological variety of approaches to political metaphor analysis. As political metaphor is a complex phenomenon political metaphorology takes shape at the intersection of several lines of investigation, namely political linguistics, metaphorology, cognitive linguistics, discourse-analysis, cultural linguistics, psychology and neuroscience, social sciences.

Key words: political metaphorology, metaphor, political discourse, cognitive linguistics, methodology, interdisciplinary approach

About the author: Budaev Eduard Vladimirovich, Candidate of Philology, Associate Professor.

Place of employment: Nizhniy Tagil State Social Pedagogical Academy, Institute of Philology and Mass Communication.

Эволюция современной лингвистики характеризуется двумя противоположными и вместе с тем диалектически неразрывными процессами. С одной стороны, наблюдается дивергенция традиционных языковедческих методологий, которая выражается во все большей теоретической дифференциации и практической специализации лингвистических изысканий. С другой стороны, углубление и расширение научных поисков сопровождается объединением эвристики различных областей знания, что приводит к возникновению новых и перспективных исследовательских направлений. Одним из таких направлений стала политическая метафорология, сформировавшаяся на пересечении нескольких научных дисциплин.

По мнению Р. Джекендоффа [Jackendoff 2007], важнейшей задачей современной лингвистики является интеграция многочисленных теорий и «субдисциплин» языкознания, что особенно касается традиционных структуралистских подходов и когнитивной лингвистики, дискурс-анализа, нейронауки, психолингвистики. В этом отношении политическая метафорология может служить примером подобного междисциплинарного синтеза, образовавшегося на стыке политической лингвистики, метафорологии, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, дискурс-анализа, психолингвистики и других «субдисциплин».

Среди истоков политической метафорологии важное место занимает область исследований, связанная с планомерным изучением политической коммуникации, которое началось еще в середине прошлого века и опиралось на пионерские исследования Гарольда Лассвелла, Пола Лазарсфельда, Уолтера Липпманна, Вик-

тора Клемперера, Джорджа Оруэлла и других специалистов. В конце прошлого столетия в лингвистике формируется обособленное направление, в центре внимания которого находится теория и практика анализа политического дискурса. Для обозначения этого направления исследований в мировой науке закрепилось наименование **политическая лингвистика** [Belgian 1997; Burkhardt 1996; Klein 1998; Sarcinelli 1989; Баранов 2001; Паршин 2001; Мухарямов, Мухарямова 2002; Романов 2002 и др.], а также смежные обозначения, акцентирующие те или иные аспекты политического семиозиса (например, «политологическая филология», «политологическое литературоведение», «политологическая лингвистика» [Демьянков 2002], «политическая семантика» [Politische 1989], «политическая дискурсология» [Русакова, Максимов 2006]).

Вторая область исследований, которая легла в основу политической метафорологии, имеет более чем двухтысячелетнюю историю: известно, что многие современные исследования по-прежнему базируются на определении, идущем еще от Аристотеля, который утверждал, что метафора – это имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид. Однако, несмотря на значительный объем накопленных знаний о метафоре, интерес к ней в настоящее время не только не ослабевает, а наоборот, усиливается в связи с переходом изучения метафоры на качественно новый уровень. В последние десятилетия сформировалась самостоятельная научная область – **метафорология** [Лагута 2003], объектом исследования которой является метафорика, включающая в себя как результаты метафорогенной

деятельности человека, так и все механизмы этой деятельности (нейрологический, синестетический, когнитивный, коммуникативный). Метафорология объединяет усилия философов, логиков, специалистов в области информатики, социологов, психологов, лингвистов, литературоведов и представителей иных наук для более адекватного и всестороннего анализа феномена метафоры.

Сближение этих двух направлений обусловлено как бурным развитием исследований, посвященных политической коммуникации, так и переосмыслением самого понятия метафоры, новым пониманием ее роли в организации ментальных процессов и языковой картины социальных отношений. Возникновение политической метафорологии – одно из проявлений общей тенденции в эволюции современной лингвистики, проявляющейся в утверждении принципов методологического плюрализма, антропоцентризма и междисциплинарности.

Функционирование метафоры в политическом дискурсе довольно сложный феномен, поэтому неудивительно, что политическая метафора как объект политической метафорологии рассматривается с разных методологических позиций и в разных дисциплинах.

Одним из важнейших истоков современной политической метафоры является **когнитивная лингвистика**. В центре внимания когнитивной лингвистики находится язык как общий когнитивный механизм и когниция в ее языковом отражении. Когнитивная лингвистика возникла в США (М. Джонсон, Р. Джэкендофф, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Л. Талми, М. Тернер, Ч. Филлмор, Ж. Фоконье, У. Чейф и др.) и получила значительное распространение, дальнейшее развитие и свою интерпретацию в российской науке (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, Д.О. Добровольский, В.И. Карасик, И.М. Кобозева, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, В.В. Петров, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, А.П. Чудинов и др.).

В основе когнитивной теории метафоры лежит идея о том, что метафора – это феномен не лингвистический, а ментальный: языковой уровень лишь отражает мыслительные процессы. Метафоры в языке – это не украшение мыслей, а лишь поверхностное отражение концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и деятельность. В основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени. В результате метафорической проекции из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потен-

циала метафоры.

Исследования концептуальной метафоры в сфере политической коммуникации получили особое распространение. Перспективы применения когнитивных эвристик к политическому дискурсу были намечены основателями теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff, Johnson 1980]. Помимо общей характеристики теории, американские исследователи рассмотрели следствия ментальной метафоры Дж. Картера и показали, что, казалось бы, совершенно лишённая эмоциональной оценки метафора ТРУД – ЭТО РЕСУРС позволяет скрывать антигуманную сущность экономической политики государств как с рыночной, так и с тоталитарной экономикой.

Положение о том, что субъект склонен реагировать не на реальность как таковую, а скорее на собственные когнитивные репрезентации реальности, приводит к выводу, что и поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой репрезентаций человека. Из этого следует, что выводы, которые мы делаем на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действия. Это объясняет особенно повышенный интерес современных исследователей к когнитивному анализу политической метафорологии по всему миру (см. [Будаев, Чудинов 2008]).

На современном этапе исследователей когнитивной политической метафоры интересуют два типа корреляции метафорических выражений и сознания человека. С одной стороны, корпусные исследования метафор позволяют выявить структуры «коллективного подсознательного», которые не выражены эксплицитно. Этот аспект можно сформулировать как «сознание (подсознательное) определяет метафоры». Вместе с тем прагматический потенциал метафор сознательно используется в политическом дискурсе для переконцептуализации картины мира адресата. Этот подход можно выразить в формуле «метафоры определяют сознание». Первый аспект рельефно проявляется в исследованиях стертых метафор, второй – при анализе ярких, образных метафор, хотя жесткого разграничения, конечно же, нет.

По степени детализации анализируемого концептуального содержания можно выделить несколько подходов к когнитивному анализу политической метафоры. На первом уровне анализа выделяется группа исследований, авторы которых детально изучают метафоры, связанные с конкретными концептами сферы-источника. Примерами могут служить исследования метафор «Политика – это мост» [Benoit 2001], «Политика – это труд» [Berhó 2000], «Чехословакия – это двойной дом» [Druľák 2005].

При более широком охвате ученые анализируют одну конкретную сферу-источник метафорической экспансии и детально ее описывают. Опыт показывает, что сосредоточение вни-

мания исследователя на одной модели позволит охарактеризовать эту модель максимально полно, изучить ее «под лингвистическим микроскопом» и благодаря этому обнаружить закономерности, ускользающие при обозрении всей широкой картины. Так, И.В. Телешева [2004] детально рассмотрела российские и американские метафоры со сферой-источником «Болезнь». В диссертации Н.М. Чудаковой [2005] предметом исследования стали только метафоры со сферой-источником «Неживая природа» в современном российском политическом дискурсе. В зарубежной лингвистике подобный характер имеют, в частности, недавние исследования М. Далмо [Dalmau 2005] и А. Мусолффа [Musolff 2006], проанализировавших метафоры родства в политических дискурсах нескольких европейских стран, и Л. Рязановой-Кларке [Ryazanova-Clarke 2004], рассмотревшей российскую криминальную метафорическую модель.

На следующем уровне предметом исследования становятся несколько сфер-источников, объединяемых по определенным критериям (концептуальный вектор, понятийная смежность семантических разрядов, прагматический потенциал и др.). Так, в исследовании А.Б. Рязановой [2002] детально анализируются метафорические поля со сферами-источниками «Война», «Криминал» и «Мир животных», которые в современном российском политическом дискурсе отличаются максимальной агрессивностью прагматического потенциала. В диссертации Н.Г. Шехтман [2006] рассматриваются метафорические модели со сферами-источниками «Спорт» и «Театр», которые относятся к числу зрелищных феноменов. В диссертации Т.С. Вершининой [2002] предметом изучения стала группа органистических метафор (зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора) в современном российском политическом дискурсе.

Основанием для объединения исходных понятийных областей может служить гендерный фактор [Gidengil, Everitt 1999, 2003], общность когнитивных структур базового уровня категоризации (термин Э. Рош) [Sandikcioglu 2003; Zinken 2002]. В монографии И. Насальски выделены египетские политические метафоры, акцентирующие смысл переходного состояния в развитии общества (беременность, болезнь, пробуждение, дорога и др.) [Nasalski 2004].

На самом общем уровне исследователь стремится по возможности полно охарактеризовать все наиболее важные сферы-источники метафорической экспансии. Лингвисты осуществляют мониторинг комплексов метафорических моделей за продолжительные периоды времени и создают лексикографические описания. В России ярким примером такого подхода стали словари А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова [1991; 1994]. В 1999-2002 гг. в Билефельдском университете был реализован российско-не-

мецкий проект по сравнительному изучению русской и немецкой политической метафорики эпохи перестройки и «поворотного» периода (die Wende-Periode) в Германии [Baranov, Zinken 2003; Zinken 2004; Zibatow 1998].

В XXI в. по всему миру реализуются проекты, посвященные комплексному и многоаспектному анализу концептуальных метафор. Среди них монографии А. Мусолффа [Musolff 2000, 2004], А.П. Чудинова [2001, 2003], Дж. Вэй [Wei 2001], О. Санта Аны [Santa Ana 2002], Дж. Чартериса-Блэка [Charteris-Black 2004a, Charteris-Black 2004b].

Большое влияние на формирование политической метафорологии оказали изыскания в области **дискурс-анализа**. Как показывают специальные обзоры, в лингвистике нет однозначного определения термина «дискурс». По справедливому замечанию Дж. Юла, «дискурс-анализ охватывает широкий спектр научной деятельности, начиная от узко сфокусированного исследования того, как слова «oh» и «well» используются в обыденной речи, до изучения доминирования идеологий в определенной культуре, представленных, например, в образовательных или политических дискурсивных практиках» [Yule 2000: 83].

Наибольшее распространение получило определение дискурса как сложного коммуникативного явления, включающего, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста [Караулов, Петров 1989: 8], как «текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [Арутюнова 1990: 136-137]. Преимущество такого подхода в том, что дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний.

В лингвистике сложилось два основных направления анализа политического дискурса: критический и дескриптивный [Fairclough 1985]. Критический подход направлен на исследование социального неравенства, выраженного в дискурсе. Как отмечает Т. ван Дейк, среди исследователей этого направления «не может быть ученых, занимающих отстраненную и тем более индифферентную позицию» [van Dijk 1993: 253]. В современной лингвистике критический дискурс-анализ получил широкое распространение, особенно применительно к анализу метафорики антииммигрантского дискурса [Baker, McEnery 2005; El Refaie 2001; Hardy 2003; Johnson 2005; O'Brien 2003; Santa Ana 1999, 2002].

Несмотря на широкую популярность критического дискурс-анализа, некоторые исследователи подвергают эту методологию критике. Так, известный специалист в области полити-

ческой коммуникации и политической метафоры П. Чилтон отмечает, что сторонники критического дискурс-анализа «пытаются бороться с несправедливостью различного рода, но едва ли возможно серьезное воздействие исследователей дискурса на продолжающийся геноцид, угнетение и эксплуатацию, свидетелями которого мы являемся» [Chilton 2004: x]. По мнению исследователя, большей научной значимостью для достижения постулируемых последователями критического дискурс-анализа целей обладают разработки в области когнитивной науки, чем идеологические позиции субъекта исследования [Chilton 2005].

Со своей стороны представители критического дискурс-анализа указывают на «мистический» характер когнитивных изысканий. В частности Н. Фэрклоу и его последователи отказываются от использования когнитивной методологии, связывая свою позицию с тезисом о принципиальной невозможности проникнуть в «черный ящик» сознания [см. напр. Chouliaraki, Fairclough 1999].

Это противостояние мнений в зарубежной лингвистике продолжает уже имеющий свою историю спор о том, что лежит в основе связи политического поведения и метафоры. Если сторонники критического дискурс-анализа настаивают на социальной первичности метафоры, ее укорененности в социальных практиках, то когнитивисты видят в метафоре ментальную первооснову.

На наш взгляд, в радикальной форме обе позиции представляются методологическими крайностями, не учитывающими диалектического характера факторов метафорогенеза. В российской науке метафизичность как гносеологический принцип преодолевается в когнитивно-дискурсивной парадигме, позволяющей рассматривать политическую метафору одновременно как ментальный и лингвосоциальный феномен. Соответственно только когнитивная или только дискурсивная трактовка политической метафоры препятствует ее адекватному описанию. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «в реальной жизни когниция и коммуникация тесно между собой связаны и провести между ними строгие границы можно лишь достаточно условно, в когнитивно-дискурсивной парадигме возникает задача реалистического отражения функционирования языка и отдельных его категорий, единиц или конструкций, и усилия исследователя направляются прежде всего на то, чтобы выяснить, как и каким образом может удовлетворять изучаемое явление и когнитивным, и дискурсивным требованиям» [Кубрякова 2004: 520].

Вместе с тем среди зарубежных специалистов синтез когнитивных и дискурсивных эвристик применительно к дискурс-анализу политических метафор находит все больше сторонников [Hülse 2003; Musolff 2004; Zinken 2002]. В частности известный специалист в области кри-

тического дискурс-анализа Р. Водак в одной из последних работ пишет о том, что «когнитивный и социокогнитивный подходы должны стать частью исследований дискурсивных практик, поскольку задачей любого направления в критическом дискурс-анализе является анализ / понимание и объяснение социальных проблем междисциплинарного характера» [Водак 2006: 108].

Отметим, что критическая составляющая вполне имеет право на существование и в рамках когнитивно-дискурсивного анализа. Специальных исследований по воздействию исследований метафоры критического толка на политические процессы не проводилось, однако едва ли можно полностью отрицать влияние научной деятельности официального советника Демократической партии Дж. Лакоффа на недавнюю победу демократов в США (помимо прочего имеются в виду три его последние книги [Lakoff 2004; 2006a; 2006b], которые использовались политиками-демократами в качестве пособий по коммуникации и получили самый широкий резонанс далеко за пределами научных кругов).

При дескриптивном подходе к дискурс-анализу политической метафоры превалирует стремление описать и объяснить феномены, избегая при этом собственной (особенно связанной с политическими убеждениями субъекта исследования) идеологической оценки, что, конечно, связано не с отсутствием гражданской позиции, а с представлениями о критериях научной объективности исследования.

В современной политической метафорологии дескриптивный дискурс-анализ представлен многими направлениями. Среди них дискурсивная теория демократизации, суть которой состоит в том, что истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях, а не в изменении социальных или экономических условий. В рамках этой теории метафоре отводится роль каузального фактора общественно-политических изменений [Андерсон 2006; Anderson 2001].

Синтез эвристик исследования метафорики и методов дискурсивного анализа социальных структур по А. Вендт осуществил П. Друлак [Drulak 2006]. Базовая идея подхода состоит в том, что дискурсивные структуры являются отражением структур социальных. Исследователь проанализировал метафоры, которые использовали лидеры 28 европейских стран в дебатах о составе и структуре Европейского Союза. Выделив метафоры самого абстрактного уровня, П. Друлак выявил, что лидеры стран ЕС предпочитают наделять надгосударственное объединение чертами единого государства, а лидеры стран-кандидатов предпочитают видеть в ЕС сбалансированное объединение государств.

Важное место в политической метафорологии занимает комбинаторная теория кризисной коммуникации (CCC-theory) Х. де Ландтсхеер и

ее единомышленников. Некогда Х. де Ландтсхеер доказала на примере анализа голландского политического дискурса, что существует зависимость между частотностью метафор и общественными кризисами [De Landtsheer 1992]. В очередном исследовании Х. де Ландтсхеер и Д. Фертессен [Vertessen, De Landtsheer 2005], сопоставив метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, обнаружили, что показатель метафорического индекса увеличивается в предвыборный период. Подобные факты, по мысли авторов, еще раз подтверждают тезис о важной роли метафоры как средства воздействия на процесс принятия решений и инструмента преодоления проблемных ситуаций в политическом дискурсе.

Еще одно направление представлено исследованиями в русле постмодернистской теории дискурса. Теория постулирует всеобщую метафоричность всякой сигнификации, а анализ политического дискурса считается наиболее подходящим способом выявления этой онтологической метафоричности. Все «пустые означающие» (empty signifiers) политического дискурса конститутивно метафоричны, причем метафоричность проявляется в различной степени [Laclau 1996]. При таком подходе стирается граница между метафоричностью и «буквальностью» (метафорическим может считаться, например, лозунг «We can do it ourselves» – «Мы можем сами собой управлять»), а при анализе дискурса можно говорить только о степени метафоричности «пустых означающих» [Hansen 2005].

По мнению В. Моттьер [Mottier 2005], адекватный анализ проблемы взаимодействия метафоры и властных отношений необходимо основывать на синтезе герменевтического подхода с эвристиками дискурсивного анализа М. Фуко, что позволит преодолеть крайности слишком широкого деконструктивизма и слишком узкого когнитивизма.

На современном этапе идущая от Ф. де Соссюра структуралистская традиция анализа языковой системы сменяется активным внедрением в лингвистические исследования теории дискурс-анализа, вовлечением в методологический аппарат политической метафорологии широкий экстралингвистический контекст. В современной лингвистике структуралистский подход к метафоре сохраняет свою значимость (см. [Москвин 2006]), однако его эвристики ограничиваются системно-языковыми вопросами и мало подходят для анализа дискурса, для изучения того, как люди на самом деле говорят и пишут, а именно данный аспект приобретает в современном обществе все большую актуальность. По справедливому замечанию Е.С. Кубряковой, «дискурсивная деятельность носит отчетливо выраженный специализированный характер, т.е. не может быть описанной вне указания на «среду» ее функционирова-

ния» [Кубрякова 2004: 526].

Вместе с тем важно отметить, что современная политическая метафорология не отказалась от всего лучшего, что было в традиционных учениях о метафоре. Более того, феномен функционирования метафоры в политической коммуникации активно изучался с середины прошлого века, а идеи, положенные в основу современных подходов к дискурс-анализу, в той или иной степени разрабатывались в работах по политической метафоре в русле исследований по риторике и прагматике (см. [Будаев, Чудинов 2006]).

Важной составляющей современной политической метафорологии (особенно в ее российском варианте) является **лингвокультуроология**. Это направление современной лингвистики возникло на стыке языкознания и культурологии. Лингвокультурологический подход помогает решать одну из актуальных проблем политической метафорологии, заключающуюся в выявлении закономерностей метафорического моделирования картины мира в политических дискурсах различных государств. С одной стороны, многочисленные исследования фиксируют общие кросскультурные черты политической метафорологии. «Современные средства массовой информации составляют уже своеобразный интердискурс, в котором различия отдельных... языков – вещь чисто поверхностная. При обсуждении современных событий мировая пресса мгновенно подхватывает сказанное кем-то удачное выражение, оно разносится по изданиям и языкам... Мы смотрим на мир (или нам предлагается смотреть) очень схоже» [Шмелева 2001: 5].

С другой стороны, следует согласиться с тем, что «наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры» [Лакофф, Джонсон 1990: 404]. Аналогичные мысли неоднократно высказывали и отечественные специалисты (Ю.Д. Апресян, А.Н. Баранов, Е.М. Верещагин, В.Г. Гак, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, Е.С. Кубрякова, Б.А. Успенский и др.).

Ряд примеров лингвокультурологической специфики метафорического осмысления политики находим в монографии Б. Льюиса «Язык ислама» [Lewis 1988]. Если на Западе глав государств часто сравнивают с капитаном или рулевым корабля, то метафоры лидерства в исламе связаны с искусством верховой езды. Мусульманский лидер никогда не стоял за штурвалом, но часто сидел в седле и держал ноги в стремях. Также его власть никогда не ассоциировалась с образом солнца, потому что испепеляющее солнце не радует жителей Востока. Мусульманский лидер закрывает подданных благодатной тенью, спасающей от палящего солнца, и одновременно сам является «тенью Бога на земле». Если мы обратимся к метафорам стран Запада и России, то обнаружим,

что в них метафора монарха как солнца довольно традиционна. Достаточно вспомнить французского Короля Солнце (Людовика XIV) или собирательный образ древнерусского князя Владимира Красное Солнышко.

Интересны наблюдения Б. Льюиса по поводу ориентационных метафор. На Ближнем Востоке властные отношения в большей степени представляются в горизонтальных, нежели вертикальных понятиях. Человек во власти не бывает внизу или вверху, но внутри или снаружи, рядом или далеко. В исламском обществе власть и статус больше зависят от близости к правителю, чем от ранга во властной иерархии. Правители Ближнего Востока чаще предпочитали дистанцироваться от критически настроенного окружения, чем понижать их в ранге, или отправляли неугодных в ссылку, вместо того, чтобы бросить их в подземелье. Разумеется, речь не идет о бунтарях и явных мятежниках, с которыми и на Западе, и на Востоке власть имущие поступали примерно одинаково.

Достаточно рельефно специфика политических метафор Востока проявляются в гендерных стереотипах исламских государств [Будаев 2006]. Межкультурное сопоставление политической метафоры Запада и Востока позволяет сделать вывод о том, что картина политической действительности часто структурируется в соответствии с противопоставлением мужского и женского начал, но оценочные смыслы варьируются в политическом дискурсе гетерогенных культурных сообществ.

Причины культурного своеобразия национальных метафор довольно прозрачны. Их оценочные смыслы связаны с геоклиматическими условиями того ареала, на котором формируется культура, с традициями, предписывающими соответствующие стереотипы поведения, и другими факторами, имеющими многовековую историю. Вместе с тем система политических метафор даже в самом традиционном обществе не представляет собой раз и навсегда заданную систему концептуальных координат для осмысления реальности. Изменения в инвентаре политических метафор определенной культуры связаны как с внутренними потребностями, так и с инокультурным влиянием.

Примеры лингвокультурологической специфики политической метафоры приводит Дж. Вэй, рассматривая традиционную китайскую цветовую символику и ее взаимодействие с новообразованиями в метафорике. По данным исследователя, в современном тайваньском политическом дискурсе получила широкое распространение метафора шляпы как символа власти. При этом важное значение имеет ее цвет: красный цвет связан со взяточничеством, золотой – с финансовыми скандалами, черный – с культивированием непотизма, желтый – с прелюбодеянием. Таким образом, политик, который, например, «носит красную шляпу», косвенно обвиняется автором метафоры в кор-

рупции [Wei 2001: 75-77].

Межкультурное своеобразие в концептуальных картинах мира может быть связано с особенностями ситуативной интерпретации определенных политических событий. В этом отношении наиболее известна интернет-публикация Дж. Лакоффа, в которой рассмотрен контраст между метафорическим осмыслением кризиса в Персидском заливе в США и арабских странах [Lakoff 1991].

Межкультурные различия в актуализации политических метафор прослеживаются не только при анализе традиционной специфики национальной картины мира, но и при исследовании частотности или продуктивности метафорических моделей, характерных для всех сопоставляемых дискурсов. Например, израильские исследователи А. Абади и Я. Сакердоти [Abadi, Sacerdoti 2001], сравнив метафоры израильского и американского политических дискурсов, обнаружили, что метафорическая модель со сферой-источником «Война» более продуктивна и частотна в израильском дискурсе, в то время как спортивные метафоры более распространены в дискурсе США. Авторы объясняют полученные результаты тем, что жизнь рядовых израильтян в большей степени связана с армией, чем жизнь американцев. Постоянные арабо-израильские конфронтации находят выражение во всепроникающей милитаризации израильского общества. Наоборот, в Израиле отсутствует характерный для США «культ спорта». В частности, количество популярных в США видов спорта значительно превосходит аналогичные показатели в Израиле.

Лингвокультурологический ракурс рассмотрения политической метафоры позволяет показать, что национальная метафорика в одних своих аспектах отражает национальную культуру и национальный менталитет, в других – типична для определенного культурного пространства (Запад, Россия, Восток, Африка и др.), а в третьих – имеет общечеловеческий характер. Продолжение лингвокультурологического исследования метафоры, задействованной в политическом дискурсе, позволит лучше разграничить закономерности, общие для всего цивилизованного мира или какой-то его части, и специфические признаки того или иного национального политического дискурса.

Осознание того факта, что метафора первично ментальный, а не языковой феномен, все чаще инициирует обращение ученых к **психолингвистическим** методикам при анализе политической коммуникации. Такие исследования часто направлены на изучение политической метафоры не как средства убеждения, а как отражения сознательных или бессознательных представлений коммуникантов о политической реальности.

Среди исследований политической метафоры, находящих основания в теориях глубинной психологии, выделяется монография

С. Кина [Keen 1988]. Опираясь на методологию юнгианской школы психоанализа, автор обратился к анализу архетипа тени в политической агитации и пропаганде. С. Кин показывает, что на агитационных плакатах и в политических карикатурах XX в. противоборствующие стороны во всех крупных военных конфликтах изображали друг друга с помощью дегуманизирующих метафор, среди которых наиболее распространены образы насильника, зверя, рептилии, насекомого, микроба, смерти, безликой орды и врага Бога.

С позиций психоанализа М. Аугустинос и С. Пенни [Augoustinou, Penny 2001] рассмотрели вопрос о том, как австралийские политики представляют проблему примирения между аборигенным и неаборигенным населением Австралии. Проанализировав 12 выступлений политиков (6 аборигенов и 6 неаборигенов), удалось показать, что в основе осмысления проблемы лежит архетипический метафорический образ совместного путешествия.

Психолингвистические методы исследования метафоры позволяют получать данные об особенностях метафорического конструирования мира политики рядовыми гражданами, что недоступно при традиционном анализе политического дискурса, материалом для которого обычно становятся тексты, созданные журналистами, политиками или их спичрайтерами. Методы психолингвистики особенно важны при решении вопроса об эффективности использования метафор. Анализ политического или медийного дискурса позволяет только гипотетически говорить о воздействующей силе метафоры, в то время как для получения достоверных данных необходимо обратиться непосредственно к сознанию адресата коммуникации.

В качестве примера можно привести исследование Я. Босмана и Л. Хагендорна [Bosman, Hagendoorn 1991]. В первой части поставленного ими эксперимента изучалась эффективность метафорических и буквальных политических сообщений. Испытуемые читали неметафорическое и метафорическое описание политики шовинистической партии, а потом письменно заполняли опросные листы, в которых отвечали на вопросы о возможных путях противодействия подобной политике. Обработав результаты, Я. Босман и Л. Хагендорн пришли к выводу, что, хотя метафоры и оказывают влияние на идеи испытуемых, буквальное выражение не менее эффективно.

Помимо анкетирования ученые активно используют метод интервью. Преимущество этого метода связано с тем, что исследователь получает материал для анализа в ходе естественного общения с коммуникантом, а не из заранее подготовленных текстов. Подобная методика применяется в работах Д. Херадштейта, Г. Бонхэма, Т. Оберлехнера, В. Майер-Шенбергера [Heradstveit, Bonham 2005; Oberlechner, Mayer-

Schönberger 2002].

В ряде исследований политическая метафорология обогащается эвристиками **нейролингвистических** теорий. Ярким примером может служить нейрокогнитивная теория метафоры, образовавшаяся на стыке нейронной теории языка, теории первичных и сложных метафор и теории концептуальной метафоры. Нейронная теория языка направлена на выявление нейробиологических детерминант когниции и с общенаучных позиций ее становление – вполне закономерный этап в развитии метафорологии как комплексного междисциплинарного направления в изучении человеческого мышления. Необходимость такого развития теории Дж. Лакофф и М. Джонсон связывают с тем, что «когнитивные эффекты на верхнем уровне когниции возможны благодаря нейробиологии на ее нижнем уровне» [Lakoff, Johnson 1999: 570]. Если в когнитивной лингвистике исследователи обычно ограничивались анализом корреляций языковых и когнитивных явлений, то в нейронной теории языка ощущается значительный естественно-научный уклон. При таком подходе в качестве недостающего звена между когнитивной метафорой и метафорическим выражением рассматривается уровень моделируемых коннекционистских сетей, соотносимых с нейронной архитектурой человеческого мозга.

Нейрокогнитивный подход к изучению метафоры начинает активно развиваться в конце 90-х гг., когда ряд лингвистов Калифорнийского университета и ученых из института компьютерной науки в Беркли объединяют свои усилия. Важным результатом интеграции этих усилий стало понимание того, что язык, когнитивные процессы и сенсомоторная деятельность связаны с активизацией одних и тех же участков нейронной сети. Например, при восприятии метафор движения в мозге человека осуществляется ментальная симуляция физического действия, результаты которой проецируются обратно на сферу-мишень, привнося инференции, вытекающие из ментальной симуляции моторной деятельности [Lakoff, Johnson 1999: 583].

Практическим применением этой теории стали разработки компьютерных программ, моделирующих семантические сети коннекционистского типа. Одну из таких программ С. Нараянан применил к анализу концептуальных метафор движения, задействованных при осмыслении политики и экономики в американской прессе [Narayanan 1999].

Исследования политической метафоры с использованием психолингвистических и нейропсихологических методов позволяют посмотреть на феномен политической метафоры с новых позиций и скорретировать предположения, принимаемые при других методологических подходах без верификации.

Метафора на протяжении долгого времени оставалась предметом исследования филологов и философов, но в последнее время этот

феномен все чаще вызывает интерес у историков, социологов, политологов. В исследованиях подобного рода метафора не является первоочередным предметом исследования, вместе с тем в общественных науках анализ метафор становится распространенным методом познания социально-политической действительности. Исследователи фиксируют организующую роль метафор в постижении социально-политической реальности, метафорическую природу политической картины мира.

В частности, исследование политической метафоры – распространенное явление в **политологических** публикациях [Бляхер, Говорухин 2006; Потапчук 2006; Межуев 2006; Canêdo 1997; Rayner 1984; Smith 2002; Terchek 1999]. Примечательно, что политологи, часто не ставят перед собой задачу исследовать метафоры, но в результате научных изысканий обращаются к метафоре. К примеру, занимаясь политологической проблемой, которая, на первый взгляд, непосредственно не связана с метафорой («Идеология в структуре политического процесса»), С.В. Куньшиков делает вывод о том, что «идеология «работает» в политическом процессе не непосредственно, а через систему идеологических метафор, эффективность которых заключается в способности адекватно выражать ценностно-значимые для социальных групп смыслы политической деятельности» [Куньшиков 2006: 10].

В диссертации Б.Н. Халитова [2006] принимается опыт анализа «языковой войны» не только как публицистической метафоры, описывающей столкновение интересов каталонской и кастильской языковых групп в начале 1990-х гг., но и в качестве теоретико-политического концепта, когнитивного инструмента. Функция метафорического концепта проявляется в описании политического феномена и объяснении его причин.

Отметим, что во многих исследованиях политолого-социологического цикла получение научного знания основывается не столько на корпусном анализе собственно лингвистических явлений, сколько на аналитических размышлениях исследователя и опорой на наблюдения философов и социологов в области взаимодействия общественных процессов и политического мышления. В качестве примера может привести работу Я. Эзрахи [Ezrahi 1995], который, начиная от трудов Ж.Ж. Руссо, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Р. Дарендорфа и заканчивая современным социолого-политологическим дискурсом, проследживает эволюцию метафоры механизма и театра как способов осмысления общества и политики. По мнению исследователя, эти две метафоры претерпевают своеобразное сращение, при котором детерминистическая механистическая метафора вуалируется театральной метафорой, что только эксплицитно затемняет дегуманизацию современного общества, но имплицитно свидетельствует о пред-

ставлениях его представителей о предопределенности и механистичности современной политики и общественных отношений.

Хорошей иллюстрацией подходов к политической метафоре в общественных науках является коллективная монография «Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World» [2008]. Хотя большая часть вошедших в книгу работ выполнена в политологическом, а не лингвистическом ключе, теоретический плюрализм представленных в книге работ позволяет получить комплексное представление о вариативности методологий. С одной стороны, знакомство с политологическим подходом расширяет представления лингвистов о методологических гранях политической метафорологии, позволяет увидеть объект в новом свете, с другой – для читателей-языковедов высвечивает достоинства собственно лингвистического анализа, эвристики которого иногда ускользают от политологов (более подробный анализ в [Будаев 2008]).

Разность метаязыка описания политической метафоры в когнитивной лингвистике, истории, политологии и других дисциплинах не мешает отмечать схожесть выводов, что служит свидетельством «объективной составляющей» этих исследований, обусловленной существенными закономерностями функционирования политической метафоры. Вместе с тем каждая из методологических граней политической метафорологии позволяет увидеть предмет анализа в несколько ином свете и приблизить исследователей к решению вопросов о сложном взаимодействии сознания, языка и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Андерсон Р. Каузальная сила политической метафоры // Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006.
- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры [Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой]. – М., 1990.
- Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2001.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.
- Бляхер Л.Е., Говорухин Г.Э. Революция как “блуждающая” метафора: семантика и прагматика революционного карнавала // Полис. 2006. № 5.
- Будаев Э.В. Гендерная специфика политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1.
- Будаев Э.В. Политический язык и метафора: интерпретация и изменение мира // Политическая лингвистика. 2008. № 26.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. – М., 2008.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Риторическое направление в исследовании политической метафоры // Respectus Philologicus. 2006. № 9(14).
- Вершинина Т.С. Зооморфная, фитоморфная и

антропоморфная в современном политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002.

Водак Р. Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурсу-анализу // Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006.

Демьянков В.З. Политический дискурс как объект политологической филологии // Политическая наука [Отв. ред. и сост. В.И. Герасимов, М.В. Ильин]. – М., 2002. № 3.

Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Под ред. В.И. Герасимова]. – М., 1989.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004.

Куньшиков С.В. Идеология в структуре политического процесса: сущность и динамика функционирования: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – Екатеринбург, 2006.

Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты: В 2 ч. – Новосибирск, 2003.

Межуев Б.В. “Оранжевая революция”: восстановление контекста // Полис. 2006. № 5.

Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. – М., 2006.

Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М. Политическая лингвистика как научная дисциплина // Политическая наука [Отв. ред. и сост. В.И. Герасимов, М.В. Ильин]. – М., 2002. № 3.

Паршин П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. – М., 2001.

Паутова Л.А. Стабилизационное сознание: опыт социологического исследования: Дисс. ... докт. социологических наук. – СПб., 2007.

Потапчук Е.Ю. Пятый элемент (Трансформация метафоры в современном российском политическом дискурсе) // Полис. 2006. № 5.

Романов А.А. Политическая лингвистика. Функциональный подход. – М.; Тверь, 2002.

Русакова О.Ф., Максимов Д.А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис. 2006. № 4.

Ряпосова А.Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999-2000 гг.)»: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002.

Телешева И.В. Политическая ситуация как сфера-магнит для морбиальной метафоры в российских и американских СМИ // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. Т. 14.

Халитов Б.Н. Языковые аспекты политического процесса: внутренние и международные измерения (на примере Каталонии): Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – Казань, 2006.

Чудакова Н.М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экс-

пансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000-2004 гг.): Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург, 2001.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – М., 2006.

Чудинов А.П. Российская политическая метафорика в начале XXI века // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24).

Шехтман Н.Г. Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе: Дис... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006.

Шмелева Т.В. Морбуальная оптика // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2001. Т. 7.

Abadi A., Sacerdoti Y. Source domains of metaphors in political discourse. A cross-cultural study: Israel and the U.S.A. // RASK. 2001. Oct., 15.

Anderson R. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics // Slavic Review. 2001. Summer.

Augoustinos M., Penny S.L. Reconciliation: The Genesis of a New Social Representation // Papers on Social Representations. 2001. Vol. 10.

Baker P., McEnery T.A. corpus-based approach to discourses of refugees and asylum seekers in UN and newspaper texts // Journal of Language and Politics. 2005. Vol. 4. № 2.

Baranov A., Zinken J. Die metaphorische Struktur des öffentlichen Diskurses in Russland und Deutschland: Perestrojka- und Wende-Periode // Metapher, Bild und Figur: Osteuropäische Sprach- und Symbolwelten [ed. by B. Symanzik et al.]. – Hamburg, 2003.

Belgian Journal of Linguistics [ed. by M. Dominicy, J. Blommaert, C. Bulcaen] 1997. Vol. 11. Political Linguistics.

Benoit W.L. Framing through temporal metaphor: The «bridges» of Bob Dole and Bill Clinton in their 1996 acceptance addresses // Communication Studies. 2001. Vol. 52.

Berhó D.L. Working Politics: Juan Domingo Perón's Creation of Positive Social Identity // Rocky Mountain Review of Language and Literature. 2000. Vol. 54. № 2.

Bosman J., Hagendoorn L. Effects of literal and metaphorical persuasive messages // Metaphor and Symbolic Activity. 1991. Vol. 6 (4).

Burkhardt A. Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung // Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation [J. Klein, H. Diekmannshenke (Hrsg.)] – Berlin, 1996.

Canêdo L.B. As metáforas da família na transmissão do poder político: questões de método // Cadernos Cedes. 1997. Vol. 18. № 42.

Charteris-Black J. Corpus Approaches to Critical

- Metaphor Analysis. Basingstoke, 2004a.
- Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. Basingstoke, 2004b.
- Chilton P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice. London, 2004.
- Chilton P. Missing Links in Mainstream CDA: Modules, Blends and the Critical Instinct // A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis. Theory, Methodology and Interdisciplinarity [Ed. by R. Wodak, P. Chilton] – Amsterdam, 2005.
- Chouliaraki L., Fairclough N. Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis. – Edinburgh, 1999.
- Dalmau M.S. The Iron Lady versus La Dama de Ferro: Western male-centred metaphors about Europe in the British and the Catalan public discourse. URL: <http://www.dur.ac.uk/modern.languages/depts/german/Musolff/eurofamily.pdf> – 2005.
- De Landtsheer Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communicatuon and Cognition. 1991. Vol. 24. № 3/4.
- Drulák P. Motion, Container and Equilibrium: Metaphors in the Discourse about European Integration // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12(4).
- Drulák P. Metaphors and Creativity in International Politics. Discourse Politics Identiy. URL: www.lancaster.ac.uk/ias/researchgroups/dpi/docs/dpi-wp3-2005-drulak.doc – 2005.
- El Refaie E. Metaphors we discriminate by: Naturalized themes in Austrian newspaper articles about asylum seekers // Journal of Sociolinguistics. 2001. Vol. 5. № 3.
- Ezrahi Y. The theatrics and mechanics of action: the theater and the machine as political metaphors // Social Research. 1995. Vol. 62. № 2.
- Fairclough N.L. Critical and Descriptive Goals in Discourse Analysis // Journal of Pragmatics. 1985. Vol. 9.
- Gidengil E., Everitt J. Tough Talk: How Television News Covers Male and Female Leaders of Canadian Political Parties // Women and Electoral Politics in Canada [Ed. M. Tremblay, L. Trimble] – Toronto, 2003.
- Gidengil E., Everitt J. Metaphors and Misrepresentation: Gendered Mediation in News Coverage of the 1993 Canadian Leaders' Debates // Harvard International Journal of Press/Politics. 1999. Vol. 4. № 1.
- Hansen A.D. Politics and metaphor – a discourse theoretical analyses. Paper to be presented at ECPR conference 2005, Granada. Draft version. URL: www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Hansen.pdf – 2005.
- Hardy V. Metaphoric Myth in the Representation of Hispanics. – Washington, 2003.
- Heradstveit D., Bonham G.M. The "Axis of Evil" Metaphor and the Restructuring of Iranian Views Toward the US // Vaseteh. Journal of the European Society for Iranian Studies. 2005. Vol. 1(1).
- Hülse R. Sprache ist mehr als Argumentation. Zur wirklichkeitskonstituierenden Rolle von Metaphern // Zeitschrift für internationale Beziehungen. 2003. Vol. 10. № 2.
- Jackendoff R. A Whole Lot of Challenges for Linguistics // Journal of English Linguistics. 2007. Vol. 35, No. 3.
- Johnson E. Proposition 203: A Critical Metaphor Analysis // Bilingual Research Journal. 2005. Vol. 29. № 1.
- Keen S. Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination. – New York, 1988.
- Klein J. Politische Kommunikation - Sprachwissenschaftliche Perspektiven // Politische Kommunikation in der demokratischen Gesellschaft. Ein Handbuch [O. Jarren, U. Sarcinelli, U. Saxer (Hrsg.)] – Opladen, 1998.
- Laclau E. Why do empty signifiers matter to politics? // The lesser evil and the greater good: The theory and politics of social diversity [Ed. J. Weeks] – London, 1994.
- Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. White River Junction, 2004.
- Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. URL: metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm – 1991.
- Lakoff G. Thinking Points: Communicating Our American Values and Vision. – New York, 2006a.
- Lakoff G. Whose Freedom?: The Battle Over America's Most Important Idea. – New York, 2006b.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. – Chicago, 1980.
- Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. – New York, 1999.
- Lewis B. The Political Language of Islam. – Chicago, 1988.
- Mottier V. Meaning, Identity, Power: Metaphors, Mini-Narratives and Foucauldian Discourse-Theory. URL: www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Mottier.pdf – 2005.
- Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. Basingstoke, 2004.
- Musolff A. Metaphor Scenarios in Public Discourse // Metaphor and Symbol. 2006. Vol. 21. № 1.
- Musolff A. Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany. – München, 2000.
- Nasalski I. Die politische Metapher im Arabischen. Untersuchungen zu Semiotik und Symbolik der politischen Sprache am Beispiel Ägyptens. – Wiesbaden, 2004.
- Oberlechner T., Mayer-Schönberger V. Through Their Own Words: Towards a New Understanding of Leadership through Metaphors. URL: <http://www.ksg.harvard.edu/leadership/Pdf/OberlechnerMayerSchonbergerWorkingPaper.pdf> – 2002.
- O'Brien G.V. Indigestible Food, Conquering Hordes, and Waste Materials: Metaphors of Immigrants and the Early Immigration Restriction Debate in the United States // Metaphor and Symbol. 2003. Vol. 18. № 1.
- Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World [ed. by T. Carver, J. Pikalo] – London: Routledge, 2008.
- Politische Semantik. Bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwen-

dung [J. Klein (Hg.)] – Opladen, 1989.

Rayner J. Between Meaning and Event: An Historical Approach to Political Metaphors // *Political Studies*. 1984. Vol. 32.

Ryazanova-Clarke L. Criminal Rhetoric in Russian Political Discourse // *Language Design*. 2004. Vol. 6.

Sandikcioglu E. More metaphorical warfare in the Gulf: Orientalist frames in news coverage // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* [ed. by A. Barcelona] – Berlin, 2003.

Santa Ana O. 'Like an animal I was treated': anti-immigrant metaphor in US public discourse // *Discourse and Society*. 1999. Vol. 10. № 2.

Santa Ana O. Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse. – Austin, 2002.

Sarcinelli U. Symbolische Politik und Politische Kultur. Das Kommunikationsritual als politische Wirklichkeit // *PVS*. 1989. № 30.

Smith M.B. The Metaphor (and Fact) of War // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2002. Vol. 8(3).

Terchek R.J. Political Metaphors: Markets or Oligopolies? // *Associations*. 1999. Vol. 3(2).

Van Dijk T.A. Principles of Critical Discourse Analysis // *Discourse and Society*. 1993. Vol. 4(2).

Vertessen D., De Landtsheer Ch.. Metaphorical Election Style? Patterns of Symbolic Language in Belgian Politics. URL: www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Vertessen.pdf – 2005.

Wei J.M. Virtual Missiles: Allusions and Metaphors Used in Taiwanese Political Discourse. – Lanham, 2001.

Yule G. *Pragmatics*. – Oxford, 2000.

Zinken J. *Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition: Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik*. – Bielefeld, 2002.

Zinken J. Metaphoric Practices in the German Wende Discourse // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2004. Vol. 25. № 5/6.

Zybatow L. Antrag auf Gewährung einer Sachbeihilfe für das Projekt "Interkulturelle Analyse der Struktur kollektiver Vorstellungswelten (anhand von metaphorischen Modellen in der russischen und deutschen Presse)". – Bielefeld, 1998.

© Будаев Э.В., 2010